создали себе целый мир идей, который мы не можем себе представить воображением, не только перенестись в него телом и душой».[2] В этом вопросе с П. Я. Чаадаевым был согласен и публицист совершенно противоположного направления — М. П. Погодин. Сравнивая в своей статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств» историю русской церкви с историей западной церкви, он писал: «у них пропаганда, у нас сохранение; у них движение, у нас спокойствие, у них инквизиция, у нас терпимость».[3]

Идеологические движения конца XV—начала XVI в. не получили отражения и в творчестве крупнейшего представителя дореволюционной историографии С. М. Соловьева. В отличие от Н. М. Карамзина С. М. Соловьев, излагая историю образования Русского государства в XV в., не ограничивался только ссылками на «превосходный ум» Ивана III; он указывал ряд других, гораздо более глубоких причин: распад родовых связей и замена их государственными, колонизация северо-восточных земель, выгодное географическое положение Москвы и т. д. Однако идеологические предпосылки образования государства его почти совсем не интересовали: он замечал только, что «сословие, пользовавшееся могущественным нравственным влиянием, сословие духовное, изначала действовало в пользу единовластия».[4] Излагая фактическую историю княжения Ивана III, С. М. Соловьев упоминает Иосифа Волоцкого, его борьбу с ересью, упоминает он и Нила Сорского, но лица эти не рассматриваются как представители каких-либо общественных групп — ни о каких общественных движениях этого периода в его «Истории России» ничего не говорится.

Вопрос об общественных движениях конца XV—начала XVI в. был поставлен в научной литературе в 60-х годах XIX в., в момент отмены крепостного права и проведения буржуазных реформ В 1863 г. известный впоследствии историк церковного права А. С. Павлов в статье «Земское (народное и общественное) направление русской духовной письменности в XVI в.» впервые специально поставил вопрос об «общественном сознании» на Руси в период, когда она была «собрана» Москвой. А. С. Павлов указывал, что «под влиянием недовольства современными государственными и церковными порядками в сознании мыслящих русских людей XVI в. накопился большой запас новых идей, которые выразились частию в религиозно-националистической, частию в мистико-исторической форме. Представителями первого направления были еретики жидовствующие, Матфей Башкин и Феодосий Косой. Последнего направления держались все современные писатели, бравшие на себя опасное дело защищать народные и общественные интересы, подавляемые государством и пренебрегаемые церковною иерархией».[5] Однако в дальнейшем своем изложении, говоря только о втором из названных им направлений, А. С. Павлов ограничился упоминанием о памятниках XVI в.: «Беседе валаамских чудотворцев», сочинениях Максима Грека и Курбского.

В более решительной форме вопрос о влиянии общества на организацию Русского государства был поставлен в небольшой работе Н. Хлебникова, появившейся в 1869 г. Н. Хлебников — весьма своеобразная и необычная фигура в русской науке. Ученый-самоучка, поздно получивший образование и не связанный ни с одной определенной школой, он ставил в своей книге такие вопросы, которыми мало занималась русская наука

---

[2] П Я. Чаадаев Философические письма Казань, 1906, стр 16.

[3] М. П. Погодин. Историко-критические отрывки, т 1 М., 1846, стр 80

[4] С. М. Соловьев История России с древнейших времен, кн I (тт I—V) Изд «Общественная польза», стлб 1344, ср. стлб. 1544—1553 и 1556—1559

[5] Православный собеседник Казань, 1863, № 1, стр 296